

Йокай Бенклер

перевод: Александер Гик

Благосостояние сетей

Влияние социальной продукции на рынки и свободу

Глава 1 Введение: Время возможностей и вызовов

Информация, знание и культура являются центральными понятиями свободы и человеческого прогресса. То, как они существуют и циркулируют в социуме, оказывает значительное влияние на наше восприятие мира – каким он есть и каким он мог бы быть; кому принадлежит решение этих вопросов; каким образом мы, в качестве гражданского и политического общества, приходим к пониманию того, что может и должно быть сделано в этом направлении. На протяжении более 150 лет эти основные функции современных сложных демократий находились в значительной зависимости от индустриальной информационной экономики. За последние 15 лет мы стали свидетелями радикального поворота в организации производства информации. Технический прогресс обеспечил условия для целого ряда экономических, социальных и культурных преобразований, значительно изменивших информационное пространство, которое мы занимаем в качестве индивидуумов, граждан, членов культурных и социальных групп. Понятие интернет-революции сейчас кажется уже несколько устаревшим. В некоторых академических кругах оно приобретает наивное звучание. Что не совсем оправдано, поскольку появление сетевой информации действительно привело к глубочайшим изменениям, отклонившим направление эволюционирования либерального рынка и либеральных демократий от того курса, которым они шли на протяжении 200 лет.

Ряд преобразований в технологии, экономической организации и социальной практике производства в этой сфере открыл совершенно новые возможности для создания и обмена информацией, знаниями и культурой. Эти

изменения увеличили роль нерыночного и непроприетарного производства, в котором, взаимодействуя друг с другом, принимают участие как отдельные лица, так и целые корпорации. Эта практика стала пользоваться значительной популярностью в самых разных сферах, от развития программного обеспечения и журналистских расследований до авангардного кино и сетевых игр. Данные преобразования создали важные предпосылки для возникновения нового информационного пространства, позволяющего отдельным индивидам принимать в нем более активное участие, нежели в эпоху экономики индустриального производства информации, присущей двадцатому веку. Эта новая свобода сулит много практической пользы: как пространство личной свободы, как платформа для демократического процесса, как средство для возвращения более рефлексивной культуры и как фактор человеческого развития в условиях все большей зависимости мировой экономики от информации.

Расширение границ индивидуального и коллективного участия в нерыночном производстве информации, тем не менее, таит в себе угрозу для участников индустриальной информационной экономики. В начале двадцать первого века мы становимся свидетелями борьбы за чистоту цифрового пространства. Огромное количество разнообразных законов и положений, касающихся самых разных отраслей, начиная с таких значительных, как телекоммуникации, авторское право, международная торговля, и кончая правилами регистрации доменных имен или правилами, обязывающими приемники цифрового телевидения использовать ту или иную кодировку, испытывают давление со стороны конкурирующих участников рынка, пытающихся склонить его в ту или иную сторону. От исхода этих попыток зависит не только наша осведомленность в проблемах мира, но и то, в какой форме и в какой степени мы, в качестве индивидуумов, граждан и участников культурного процесса будем способны влиять на восприятие этого мира в разных его проявлениях.

ПОЯВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ СЕТЕВОЙ ИНФОРМАЦИИ

В современных передовых экономиках одновременно произошло два значительных изменения, парадоксальным образом упразднивших связанные с рыночным производством препятствия на пути реализации либеральных ценностей. Первое изменение, венчающее процессы, происходившие на протяжении столетия, связано с переходом к экономике, базирующейся на производстве информации (финансовые услуги, бухгалтерия, программное обеспечение, наука) и культуры (фильмы, музыка), а также на манипуляции символами (от производства кроссовок к их брендированию, созданию культурной значимости значка «swoosh» – логотипа фирмы Nike). Второе изменение связано с построением коммуникативного пространства, в основе которого лежит использование дешевых процессоров с большой вычислительной мощностью, связанных в единую обширную сеть – на этом принципе построена сеть Интернет. Благодаря второму изменению выросла роль нерыночного производства в информационном и культурном производственном секторе, существующем теперь в гораздо более децентрализованном виде, чем на протяжении всего двадцатого века. Первое изменение означает, что новые модели производства – нерыночные и значительно децентрализованные – будут занимать не второстепенное, а центральное место в передовых экономических моделях. Социальное производство и взаимообмен внутри социума будут играть гораздо более важную роль, наряду с производством, основанном на собственности и рынке, чем когда-либо в современных демократиях.

В первой части книги рассматриваются основные экономические понятия. В ней утверждается, что мы являемся свидетелями становления нового этапа информационной экономики, которую я называю «экономикой сетевой

информации». Эта экономика постепенно сменяет экономику индустриальной информации, характеризующей информационное производство начиная со второй половины девятнадцатого века и на протяжении всего двадцатого столетия. Главной характеристикой экономики сетевой информации является гораздо большая, чем при экономике индустриальной информации, роль индивидуального децентрализованного участия, в основе которого лежат широко распространенные, нерыночные механизмы, не зависящие от проприетарных стратегий. Изобретение компьютерной технологии положило начало глобальным процессам в экономике. Постоянно дешевеющие компьютерные и коммуникационные технологии, дешевый доступ к большим объемам памяти сделали доступными ресурсы информационного и культурного производства для многих миллионов людей по всему миру. Начиная с середины девятнадцатого века процессы создания коммуникаций, информации и культуры, распространявшиеся на все более обширные территории и популяции, которые теперь составляют политические и экономические единства, характеризовались гораздо более серьезными техническими запросами. Механические прессы, телеграфные устройства, мощные радио- и телепередатчики, кабели, спутники, большие ЭВМ – все это было абсолютно незаменимо для создания и передачи информации. Для осуществления коммуникации одного лишь желания было явно недостаточно. Как следствие, создание культуры и информации приняло даже более индустриальный вид, чем того требует информационная экономическая теория. Но появление сетевого, связанного с современными компьютерами информационного пространства внесло коренные изменения в сложившуюся картину. Число людей, владеющих в наши дни подручными средствами для быстрого создания и передачи информации неизмеримо больше, чем каких-нибудь два десятилетия назад.

С преодолением технологических сложностей, стоявших на пути эффективного производства информации, движущими силами в новой (сетевой и информационной) экономике стали творческий потенциал и экономика самой

информации. Эти факторы сильно отличаются от тех, которые определяли индустриальную экономику (сырье, ручной труд) и сформировали наше представление об экономическом производстве в 20-м веке. Новая система производства информации характеризуется тремя чертами. Во-первых, в сфере производства информации непроприетарные стратегии играли более важную роль, чем в автомобильной или сталелитейной промышленности даже тогда, когда коммуникационная экономика в гораздо большей степени ориентировалась на индустриальную модель. В таких областях, как образование, искусство, наука, политическая дискуссия, богословские споры нерыночная мотивация всегда была важнее, чем, скажем, в автомобильной промышленности. Поскольку материальные преграды, которые волей-неволей заставляли информационную среду обращаться к патентованным, основанным на рынке моделям, оказались сняты, современная система производства информации должна в первую очередь обратиться к непатентованным, нерыночным мотивационным и организационным формам функционирования.

Во-вторых, мы действительно стали свидетелями возросшей роли нерыночного производства. Любой человек может без особого труда получить доступ к миллионам других людей. Раньше для того, чтобы обратиться к большому количеству людей и донести до них ту информацию, которую вы считали нужной, вам пришлось бы прибегнуть либо к посредничеству организаций, работающих на этом рынке, либо искать поддержку государственных или филантропических структур. Тот факт, что любое такое обращение стало доступно всякому, чей компьютер подключен к сети интернет, где бы он ни находился, привел к появлению совокупного информационного пространства, сложенного из огромного множества индивидуальных действий. Достаточно только обратиться к поисковой системе Google, чтобы увидеть, как «информационный товар», отвечающий критериям поиска, производится совокупным участием многих частных усилий – часто изначально не

направленных на такую кооперацию и имеющих самый широкий спектр мотиваций – рыночных и нерыночных, государственных и негосударственных.

Третьей, самой радикальной и наиболее трудной для понимания чертой новой модели производства информации является рождение эффективной, основанной на широком кооперативном участии системы коллективного производства информации, знания, культуры. В качестве примера можно привести новые открытые программные ресурсы. Эта модель распространяется не только на основные программные платформы, но и в каждую область информационного и культурного производства – от коллективного создания энциклопедий, новостей и комментариев до создания трехмерных мультимедийных проектов.

Эти изменения легко не заметить. Они идут вразрез с нашей базовой экономической интуицией, сформированной в эпоху, когда единственной серьезной альтернативой был государственный коммунизм – альтернатива, почти всеми признаваемая сейчас неприемлемой. Неоспоримый экономический успех бесплатного программного обеспечения заставил многих передовых экономистов задуматься над тем, каким образом десятки тысяч разработчиков, связанных посредством сети, могли составить реальную конкуренцию Майкрософту и создать крупную операционную систему – GNU/Linux. Бесплатным программным продуктам, выложенным в свободном доступе в сети, и разрабатывающим их сообществам посвящена обширная литература. Понятие «инновации на потребу пользователю», предложенное Эриком фон Хиппелем, фокусирует внимание на том, как индивидуальные потребности и творческий потенциал привлекают инновации в сферу частного пользования, где они распространяются в сообществах пользователей, объединенных общими интересами. Движение за бесплатное общедоступное программное обеспечение и его основатель Ричард Столлман уделяют особенно пристальное внимание политической роли общедоступных программ, что проницательно и смело рассматривает в своих работах Эбен Моуглен. Бесплатное программное

обеспечение представляет собой лишь один яркий пример гораздо более широкого явления. Почему пятьдесят тысяч пользователей могут успешно сотрудничать над созданием Википедии, наиболее серьезного конкурента Британской Энциклопедии, не требуя за пользование ресурсом и за свои труды никакой компенсации? Почему 4,5 миллиона добровольцев предоставляют свободное время своих компьютеров для участия в создании самого мощного компьютера на земле – SETI@Home? Не имея общепринятой аналитической модели данного феномена, мы рискуем увидеть в нем лишь нечто любопытное, временное увлечение, значимое для того или иного сегмента рынка. Но мы должны постараться разглядеть в этом феномене то, чем он действительно является: становление нового принципа производства в рамках самой продвинутой экономической модели, которая базируется на сетевых ресурсах и для которой информационные товары и услуги имеют самое серьезное значение.

Человеческая природа такова, что у разных людей поступки имеют разные мотивации. Мы действуем напрямую и опосредствованно. Мы можем руководствоваться материальной выгодой, но также и психологическим комфортом. Часто мы руководствуемся социальным благом. В этом нет ничего нового, разве что для некоторых экономистов. В индустриальной экономике в целом и в индустриальной экономике информации в частности желание создавать продукты, которые были бы полезны и важны людям, неминуемо сталкивалось с проблемой финансирования. Будь то паровой двигатель или сборочный конвейер, печатный пресс или спутник связи, все упиралось в проблему физического капитала, и крайне редко одного желания принести пользу людям было достаточно для того, чтобы преуспеть в благом деле. Финансирование необходимого физического капитала, в свою очередь, перенаправляет капиталоемкие проекты в сторону таких производственных и организационных проектов, которые смогли бы оправдать сделанные инвестиции. В рыночной экономике это означало ориентацию на рыночное

производство. В рамках государственной экономики это означало, что производство должно отвечать целям государственной бюрократии. В любом случае, свобода индивидуального взаимодействия в важных проектах была ограничена объемом необходимых капиталовложений.

В сетевой информационной экономике физический капитал, необходимый для реализации производства, распределен по всему обществу. Персональные компьютеры и доступ к сети распространены повсеместно. Это не значит, что они не могут быть использованы для целей рынка или что частные пользователи перестают прибегать к возможностям рынка. Тем не менее, это означает, что если кто-то из миллиарда подключенных к сети человек, где бы он ни находился, хочет сделать что-то, для чего требуются творческие способности, компьютер и подключение к сети, то он может это сделать – сам или в сотрудничестве с другими. Этот человек уже обладает необходимым капиталом для реализации своего замысла – если не в одиночку, то в сотрудничестве с другими людьми, разделяющими его интересы. В результате гораздо большее количество вещей, обладающих ценностью для людей может быть реализовано отдельными индивидуумами, взаимодействующими друг с другом не как участники рынка, мотивированные ценовой политикой, а как члены единого человеческого сообщества. Иногда, при условиях, на которых я остановлюсь несколько подробнее, такие нерыночные формы сотрудничества могут более успешно, нежели традиционные рыночные механизмы, мотивировать усилия участников и привлекать людей с творческим потенциалом к работе над информационными проектами. В результате мы получаем процветающий нерыночный сектор информационного и культурного производства, базирующийся в сети и обладающий огромным потенциалом, ограниченным лишь воображением объединенных в сеть индивидуумов. Продукты такого сотрудничества не являются эксклюзивной собственностью. Напротив, здоровая этика сетевого сотрудничества предполагает открытый

доступ ко всем достижениям и, более того, заинтересована в расширении сотрудничества.

Поскольку появление и важность нерыночного производства входит в некоторое противоречие с базовой экономической интуицией людей, воспитанных в понятиях рыночной экономики конца двадцатого века, первая часть этой книги изобилует большим количеством технических подробностей; преодоление нашего «интуитивного» знания требует обстоятельного анализа. Читатели, не склонные к экономическому анализу, должны хотя бы ознакомиться с введением к первой части, с некоторыми разделами из второй главы («Когда информационное производство встречается с компьютерной сетью» и «Стратегическое разнообразие в современной системе производства»), а также с разборами конкретных примеров из главы 3. Этого объема информации должно хватить для возникновения интуитивного понимания того, что я подразумеваю под разнообразием информационных производственных стратегий и появлением нерыночного индивидуального кооперативного производства, что упростит чтение более доступной части книги. Тем читателям, которые не разделяют нашей уверенности в эффективности нерыночного производства в сфере информации, знания и культуры, необходимо более подробно ознакомиться со всей первой частью. Способность нерыночного производства быть эффективным в данной сфере лежит в основе моего рассуждения о том, каким образом либеральные ценности реализуются в сетевой среде, и формирует фактическое основание для политико-теоретической и институционально-правовой дискуссии, которой посвящена остальная часть книги.

ЭКОНОМИКА СЕТЕВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

То, как мы создаем информацию, как мы ее получаем, как мы общаемся с другими людьми, как другие общаются с нами формирует картину свободы в любом обществе. Часть II этой книги содержит подробный анализ того, как изменения в сетевой информационной среде, вызванные технологическими, экономическими и социальными преобразованиями оказали глубокое влияние на ключевые понятия целого ряда либеральных демократий. Во второй части главным образом утверждается, что разнообразие способов организации производства и использования информации открывает целый ряд возможностей для реализации основных политических ценностей либерального общества – таких, как свобода личности, более открытая для участия людей политическая система, критическая культура, социальная справедливость. Перечисленные ценности составляют основные векторы политической этики, формирующей любое либеральное общество. Поскольку практическая реализация разных ценностей часто неоднозначна, достижение каждой из них накладывает определенные ограничения на достижение остальных, что обуславливает различия в реализации этих ценностей разными либеральными обществами. То, как общество обеспечивает баланс между интересами большинства и индивидуальной свободой, или то, насколько широко распространяются его представления о социальной справедливости, определяет политические контуры и природу данного общества. Но экономика индустриального производства и наше стремление к росту производительности сдерживают нас в стремлении реализовать наши обязательства по обеспечению свободы и справедливости. В качестве примера общества, которое променяло свободу на благосостояние, часто приводят Сингапур, но в действительности любое демократическое общество с передовой капиталистической экономикой пошло на подобную сделку. Предсказания, касающиеся того, насколько эффективно мы сможем себя прокормить, всегда внимательно выслушиваются, когда речь идет о том, например, стоит ли демократизировать производство пшеницы или сделать выбор в пользу более эгалитарного подхода. Подобные ограничения встречались и на

пути усилий по продвижению демократии на рабочем месте, и на пути реализации планов по перераспределению во имя социальной справедливости. Рыночное, проприетарное производство всегда казалось слишком продуктивным, чтобы что-то в нем менять. Появление сетевой информационной экономики обещает более широкие возможности. Различные демократические формы правления могут относиться с разной долей уважения к различным либеральным установкам. Раньше казалось, что производство информации и культурное производство могло быть организовано только по индустриальной модели, и это являлось препятствием для реализации либеральных установок. Но в связи с развитием сетевого информационного производства ситуация изменилась коренным образом.

Усиленная автономность

Сетевая информационная экономика усиливает практические возможности отдельного человека в трех отношениях: (1) увеличивает способность делать что-то самому и для себя; (2) создает более благоприятные условия для плодотворного сотрудничества в свободно организованных сообществах, избавляя от необходимости структурировать свои отношения при помощи системы цен или традиционных иерархических моделей рынка и социума; (3) благоприятствует деятельности индивидуума в организациях, которые работают вне сферы рынка. Эта усиленная автономность лежит в основе всех описываемых мною улучшений. Индивидуумы используют эту новую расширенную практическую свободу в целях кооперации с другими участниками данного процесса, обогащая таким образом практический опыт развития демократии, справедливости и прогресса, критической культуры, кооперации.

Поэтому я начинаю с анализа влияния, которое сетевая информационная экономика оказывает на свободу личности. Во-первых, участники новой сетевой информационной экономики могут больше работать «на себя», не требуя разрешения у других участников. Они обладают большей свободой самовыражения, могут искать нужную им информацию, при этом в значительно меньшей степени завися от коммерческих средств массовой коммуникации. Во-вторых, им стало проще работать в свободных неформализованных сообществах. Отныне для того, чтобы добиться эффективной кооперации, уже не нужно вступать в устойчивые долговременные социальные связи, такие как отношения между сотрудниками или контрактные отношения между работодателем и подчиненным. Мало кто в эпоху индустриальной информационной экономики мог бы взяться за построение новой александрийской библиотеки или за издание энциклопедии. По мере того, как сотрудничество между удаленными друг от друга индивидуумами становится все более распространенным, самые амбициозные проекты, требующие такой кооперации, становятся все более осуществимыми. Кооперативные проекты нового типа не налагают на участников слишком больших обязательств и требований. Это расширяет круг возможных проектов и делает их более разнообразными и доступными для большего количества участников.

Эти процессы расширения и усиления автономности предполагают более глубокое и содержательное понимание автономности как практически пережитого опыта, а не традиционное формальное понимание этого концепта, распространенное в философском дискурсе. Но даже и в более ограниченном смысле (который тем не менее предполагает более широкий набор возможных определений автономности) мы можем утверждать, что в новой экономике индивидуум менее подвержен манипуляциям со стороны некоторого формального сообщества, а именно класса владельцев коммуникационной инфраструктуры и СМИ. Сетевая информационная экономика предлагает целый ряд разнообразных информационных платформ. Это ограничивает влияние

традиционной медийной модели, в которой владение средствами информации позволяет навязывать другим, что смотреть, и таким образом навязывает представление о возможном и невозможном. Более того, у каждого человека существенно обогащается спектр взглядов на реальное устройство и переустройство мира. Расширяется набор возможностей и критериев выбора, и тем самым люди обретают гораздо более значимую роль в управлении собственной жизнью.

Демократия: общественная сфера как сеть

Второе важнейшее следствие возникновения сетевой информационной экономики состоит в переходе от общественной сферы, сформированной СМИ, к общественной сфере, сформированной сетью. Этот переход также связан с появлением большей свободы доступа к производству информации и знания, что привело к появлению новой общественной сферы наряду с уже существующими коммерческой и медийной сферами. То, что интернет способствует демократизации, хорошо известно. С начала 90-х годов это стало общим местом в литературе об интернете. Первые активисты интернета свято верили в его освобождающий потенциал. Они нашли поддержку в решении Верховного суда Соединенных штатов, постановившего, что интернет позволяет каждому стать журналистом. Но в последние пять лет эта точка зрения была критически пересмотрена. В настоящей работе я постараюсь показать, что возникновение экономики сетевой информации в качестве альтернативы СМИ расширяет политическую общественную сферу. Ранние критики демократизирующего влияния интернета основывались на различных последствиях переизбытка информации (проблема информационной Вавилонской башни). Они утверждали, что там, где все могут высказаться, никого нельзя расслышать, и эта ситуация приведет нас либо к какофонии, либо

к возвращению к ситуации, когда деньги определяли, чему быть услышанным, а чему нет. Этим первым критикам интернета на смену пришли критики «второго поколения», настаивающие на том, что интернет на самом деле вовсе не так децентрализован, как казалось в 90-х. Становится ясно, что основное внимание привлекает лишь незначительная доля интернет-сайтов, в то время как миллионы других сайтов остаются незамеченными. Иначе говоря, «вавилонский кризис» действительно удастся преодолеть, но лишь ценой отказа от интернета как истинно демократического средства коммуникации.

Это, возможно самое известное и противоречивое утверждение о либерализирующей роли интернета я подробно разбираю в главах 6 и 7. Прежде всего необходимо понять, что любой анализ демократизирующего воздействия интернета должен проводиться в контексте коммерциализованной, основанной на СМИ общественной сферы, а не в контексте наших идеалистических и утопических представлений десятилетней давности. Коммерческие СМИ, определившие развитие общественной сферы всех современных демократий, хорошо изучены. По мнению многочисленных исследователей, они оказались несостоятельными в качестве основания для общественного дискурса. Прежде всего, эти СМИ ограничивают и сужают приток возможной информации. В самом деле, слишком много наблюдений и интересов слишком многих людей в сложных современных обществах остаются «за бортом», незамеченными немногочисленным сообществом коммерческих журналистов, в задачу которых входит освещение и анализ общественно значимых проблем. Во-вторых, традиционные СМИ (в особенности там, где рынок СМИ монополизирован) дают их владельцам неограниченную возможность влиять на формирование общественного мнения и информации. Этой властью они могут либо распоряжаться сами, либо переуступать ее на более выгодных условиях. В-третьих, даже если владельцы СМИ воздерживаются от прямого злоупотребления своей властью, они избегают серьезных политически значимых материалов, сосредоточиваясь взамен на малосодержательном и

сенсационном, что приводит к измельчанию и чрезмерному упрощению общественного диалога. Принимая во внимание эти недостатки традиционных СМИ, я утверждаю, что сетевая общественная сфера позволяет гораздо большему числу людей обмениваться наблюдениями и мнениями. При этом они не подконтрольны владельцам СМИ и в значительно меньшей степени подвержены коррупции.

Эмпирические и теоретические исследования о топологии и использовании интернета содержат ответы на критические замечания, оспаривающие положительную роль интернета в общественной сфере. В частности, я пытаюсь показать, что различные механизмы, такие как простые рассылки, статические веб-страницы, интерактивные инструменты типа блогов и вики, мобильные инструменты на наших глазах «врастают» в общественную систему и играют важную роль в собирании политически значимой информации, наблюдений, отзывов и становятся фундаментом для общественного дискурса. Эти форматы позволяют преодолеть базовые ограничения, присущие коммерциализованным, монополизированным СМИ, на которых зиждется общественная сфера современных сложных демократий. Они позволяют любому, где бы он ни находился, исходя из собственного жизненного опыта, наблюдать общественную жизнь новыми глазами – глазами человека, который может на самом деле обогатить новыми мыслями или критическими замечаниями общественный диалог. Такой человек становится более активным и как следствие более вовлеченным наблюдателем общественного пространства и потенциально полноправным участником политического диалога. Различные форматы сетевого общественного пространства предоставляют каждому возможность говорить, исследовать, задавать вопросы, не прибегая при этом к ресурсам глобальных СМИ. На наших глазах появляются новые децентрализованные подходы к общественному контролю и к участию в политических дебатах и организациях. Эти подходы приняли подчеркнуто нерыночные формы, что было бы значительно труднее

осуществить при построении общественной сферы до появления сетевого информационного пространства. Опираясь на конкретные примеры, я попробую показать, что надежды, которые мы возлагаем на демократический потенциал интернета, не напрасны.

Сетевая общественная сфера также научилась справляться с проблемой переизбытка информации, при этом она остается гораздо более лояльной, чем традиционные СМИ, в вопросах фильтрации и выработки доверия к информации. Здесь можно выделить два ключевых момента: во-первых, рыночные механизмы фильтрации и выработки доверия сменяются нерыночными механизмами, базирующимися на взаимодействии равноценных участников процесса создания информации. Доверие к информации само по себе является информационным товаром, таким же как программное обеспечение или энциклопедия. В интернете фильтрация информации, выработка доверия к ней происходит в результате широко распространенной практики товарищеских советов, отзывов, указания на источники. И те участники сетевого информационного процесса, которые имеют возможность дать свою оценку той или иной информации, размещенной в интернете, активно ею пользуются.

Во-вторых, необходимо обратить внимание на то, каким образом используется сеть. Надо отметить, что информационный поток в интернете является гораздо более упорядоченным, чем кажется тем, кто рассматривает его как информационную какофонию. Кроме того, он гораздо менее централизован, чем в традиционных СМИ. Некоторые сайты посещаются намного чаще других. Это касается как всей сети в целом, так и отдельных сайтов или пользователей, объединяющихся в группы. Многие критики сочли, что такое превосходство небольшого количества сайтов свидетельствует о возрождении модели СМИ. Но на самом деле в литературе, посвященной сетевой топологии, можно встретить совсем другую интерпретацию, в соответствии с которой упорядочивание внутри сетевой среды проходит по иным правилам, без

повторения ошибок, которые были допущены традиционными СМИ при создании общественного пространства. Сайты объединяются вокруг сообществ по интересам. Сайты австралийских пожарников связаны с сайтами других австралийских пожарников, консервативные блоги в Соединенных Штатах ссылаются на другие консервативные блоги или, хоть и в меньшей степени, на либеральные (но тоже политические) блоги. В таких кластерах все еще прослеживается преобладание особенно популярных сайтов, но по мере того, как кластеры сужаются, все больше и больше сайтов обрастает связями внутри кластера. Следуя этой схеме, в сети формируется что-то вроде шлюзов особого внимания. Локальные кластеры – сообщества по интересам – помогают участникам кластера разобраться в качестве новых поступлений при помощи таких механизмов как совместное рецензирование. Те наблюдения, которые представляются значимыми этому первичному локальному сообществу, выдвигаются на первый план и продвигаются вверх по цепочке, попадают в более крупные звенья кластера и таким образом становятся доступными участникам более широких («региональных») кластеров. Этот процесс продолжается до тех пор, пока первоначальное наблюдение не попадает на сверхпопулярный сайт, доступный сотням тысяч пользователей. Продвижению вверх по цепочке внимания способствует тот факт, что прямое комментирование и участие на многих сверхпопулярных сайтах доступно почти всем. Таким образом, путь к более широкой аудитории оказывается очень коротким. Интуитивно очень легко понять причину возникновения таких схем. Пользователи расценивают предпочтения других людей относительно того, что читать или на что ссылаться, как надежные показатели собственных предпочтений. Речь не идет о слепом следовании чужим советам. Пользователи оценивают и то, насколько надежны советы разных типов пользователей, например приверженцев тех или иных политических партий или телевизионных программ. В результате получается, что в сетевой среде существенно интенсивное внимание заинтересованной, вовлеченной (пусть и

малочисленной) группы, направленное на интересующий их предмет, тогда как для СМИ важно привлечь внимание максимального числа потребителей информации, пусть даже их интерес будет при этом самым поверхностным. Благодаря переизбытку взаимосвязанных кластеров, а так же благодаря тому, что многие кластеры основываются на общности интересов, а не на финансовых инвестициях, купить внимание или применить финансовое давление против оппозиции в интернете значительно труднее, чем в СМИ. Эти особенности интернета защищают сетевую среду от информационного хаоса. При этом удастся избежать как концентрации власти в руках одного или немногих участников процесса, так и возвращения к роли денег в качестве необходимого условия для публичного высказывания.

Справедливость и прогресс

Информация, знание, информационные продукты и инструменты играют очень важную роль в экономическом и гуманитарном развитии общества. И хотя сетевая информационная экономика не может разрешить таких глобальных проблем, как голод или болезни, с ее появлением открываются новые прозрачные пути к достижению справедливости и прогресса. Продукты, производимые сетевой информационной экономикой, обычно никому не принадлежат, т.е. на них не распространяется право собственности, поэтому такая экономика предоставляет свободный доступ к базовому инструментарию экономического роста. С точки зрения либерального понимания справедливости продукты такой экономики становятся более доступными в качестве «готовых товаров» для наименее имущих. Более важным представляется тот факт, что благодаря доступности бесплатных информационных ресурсов участникам сетевой экономики уже не нужно преодолевать финансовые и социальные барьеры, которые не давали им выйти из нищеты в условиях индустриальной

экономики. Таким образом эти информационные ресурсы и инструменты уравнивают стартовые экономические позиции.

В глобальной перспективе человеческого прогресса свобода пользования основными ресурсами и инструментами информации делает возможной большую вовлеченность в производство информации и тех компонентов прогресса, которые зависят от информации. Прежде всего появление большого количества бесплатных программ облегчило для многих бедных или не слишком состоятельных стран доступ к ключевым информационным технологиям. Еще более важным представляется то обстоятельство, что благодаря бесплатному программному обеспечению появилась возможность предоставлять программные услуги на местах как для локального пользования, так и в качестве компонента всемирной индустрии программного обеспечения, не нуждаясь при этом в разрешении международных компьютерных гигантов. Научные журналы все чаще публикуют свои материалы в открытом режиме, что делает результаты новейших исследований доступными даже в беднейших странах. Более того, в сельскохозяйственной отрасли, например, в последние годы наблюдается очень эффективное сотрудничество общественных некоммерческих «открытых» групп и институтов, которое привело к важным инновациям. Конечной целью этого процесса является разработка набора инструментов, при помощи которых ученые и фермеры как в бедных, так и в богатых странах смогут совместными усилиями разрабатывать новые более питательные зерновые культуры и тем самым бороться с голодом в беднейших регионах земного шара. Столь же амбициозными, хотя и менее разработанными, являются аналогичные инновационные проекты в области здравоохранения.

Все эти усилия призваны разрешить одну из самых острых проблем бедности и недостаточного прогресса в глобальной информационной экономике: несмотря на то, что в богатых странах уровень жизни растет – благодаря доступу к информации и инновациям люди живут дольше,

благополучнее и пользуются плодами знания и культуры, в бедных странах в то же самое время продолжительность жизни сокращается, растет уровень смертности, до сих пор не искоренена неграмотность. Отчасти (но только отчасти) эта глобальная несправедливость связана с тем фактом, что для достижения базовых элементов человеческого прогресса мы все в большей мере прибегаем к коммерческим моделям, унаследованным из индустриальной экономики. По мере того, как сетевая информационная экономика приводит к появлению новых способов производства информации, информационные продукты рассматриваются не как коммерческие, а как общедоступные, появляется все больше серьезных, пусть и ограниченных возможностей для повсеместного улучшения условий человеческого существования. На наших глазах формируется инновационная экосистема, в которую входит общественное финансирование, традиционные некоммерческие организации, а также недавно возникший сектор совместного сетевого производства. Все это делает возможным достижение целей равенства и прогресса посредством кооперативных усилий как в бедных, так и в богатых странах мира.

Критическая культура и сетевые общественные отношения

Еще одно преимущество сетевой информационной экономики состоит в том, что она способствует появлению более критичной и рефлексивной культуры. В последнее десятилетие многие теоретики юриспруденции – Нива Элкин Корен, Терри Фишер, Ларри Лессиг и Джек Балкин – обратили внимание на демократизирующий эффект интернета в сфере культуры. Следуя их работам и основываясь на традиции рефлексивного подхода к теории демократии, я утверждаю, что сетевая информационная среда улучшает систему культурного производства в двух отношениях: во-первых, она делает культуру более прозрачной, во-вторых, она делает культуру более гибкой. Это значит, что мы

присутствуем при появлении новой народной культуры, которая в эпоху индустриального культурного производства была подавлена. В этой новой народной культуре значительно больше людей принимает активное участие в создании культуры и в осмыслении окружающего нас мира. Благодаря этим процессам мы лучше понимаем нашу собственную культуру, занимаем более рефлексивную и критичную позицию по отношению к ней. В результате мы обретаем большую свободу по отношению к культурным продуктам других людей, мы можем видоизменять, переформулировать, играть с тем, что было сделано другими. Таким образом наша культура принадлежит нам в большей степени, чем это было возможно в культуре СМИ. В этом смысле можно сказать, что культура становится более демократичной – направленной на совместные действия и самоанализ.

На протяжении всей книги я настаиваю на том, что рост индивидуальных возможностей представляет собой ключевую движущую силу сетевой информационной экономики. Этот рост навел многих исследователей на мысль о том, что интернет угрожает обществу дальнейшей фрагментацией, продолжая тем самым процесс, начатый в эпоху индустриализации. Однако большое число эмпирических исследований показывает, что в действительности в структуре нашего досуга интернет замещает телевидение, и это способствует упрочению связей внутри общества. Мы пользуемся интернетом для того, чтобы поддерживать контакт с семьей или близкими друзьями, независимо от места их проживания. Мы действительно наблюдаем преобразование структуры социальных связей. Но это происходит потому, что мы не только укрепляем наши старые близкие знакомства, но и расширяем круг дальних знакомств и отношений. Следуя Мануэлю Кастеллсу и Барри Уэллману, я утверждаю, что при помощи сети наслаивающихся друг на друга и ограниченных во времени и интенсивности социальных связей мы научились решать задачи эмоционального обмена и создания общего контекста, традиционно решаемые внутри сообщества.

ЧЕТЫРЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ЗАМЕЧАНИЯ

Предложенный мною в качестве основного тезис предполагает четыре методологических решения, требующих объяснения и обоснования. Во-первых, я уделяю очень большое внимание технологии, во-вторых, в центре моих доводов лежат общественные отношения, но при этом сами доводы относятся к сфере экономики, а не социологии. Третье и четвертое методологические решения связаны со спецификой либеральной политической теории. Итак, третье решение состоит в том, что я предлагаю либеральную политическую теорию, но пользуюсь при этом методами, которые либеральная политическая теория обычно избегает, а именно рассматриваю экономическую структуру и пределы рынка и рыночных институций в перспективе свободы и отказываюсь принимать рынок как он есть и защищаю или критикую возможные перемены сквозь призму распределительной справедливости. Наконец, четвертое методологическое решение заключается в том, что я сосредоточиваюсь на роли индивидуального действия в нерыночных отношениях. Выбор между рыночным и нерыночным общественным поведением является одним из центральных предметов моего анализа. При этом в моих рассуждениях государство либо не играет никакой роли, либо рассматривается как преимущественно негативный фактор, что противоречит прогрессивным направлениям либеральной политологии. В этом отношении мой тезис может показаться скорее либертарианским или анархическим, а не либеральным. Как будет показано ниже, я не умаляю роль государства. В то же время я действительно утверждаю, что переживаемый нами период характеризуется ростом эффективности отдельной личности и свободных некоммерческих объединений, функционирующих в качестве агентов политической экономики. Так же, как и рынку, государству придется приспособиться к новой зарождающейся

модальности человеческой деятельности. И либеральная политическая теория должна вначале признать и проанализировать эту модальность и только затем начать работу по переформулированию своих положений и рекомендаций для либерального государства, прогрессивного или реакционного.

Роль технологии в человеческой деятельности

Первое методологическое решение связано с тем, какая роль должна быть отведена технологии в развитии человеческой деятельности. Технологический детерминизм, свойственный Льюису Мамфорду или, в теории коммуникаций, Маршаллу Маклюэну в академической среде (но не в массовой культуре) сегодня представляется чересчур детерминистским. Примером более взвешенного теоретического подхода, учитывающего роль институций и политического выбора, может служить недавняя превосходная работа Пола Старра, посвященная анализу возникновения СМИ. И хотя все эти работы в самом деле являют собой прекрасный анализ сложившейся ситуации, не трудно заметить, насколько отходит основательный труд Элизабет Эйнштейн «Печатный станок как участник прогресса» от маклюэновского детерминизма. Было бы упрощением сводить технологический прогресс лишь к его инструментальной роли, зависящей от того, как общество в данное время распоряжается им как инструментом. Общество, не знакомое с колесом или письменностью, ограничено в своих действиях. Барри Уэллман ввел в социологию заимствованное из машиностроения понятие спектра возможных применений (*affordances*). Лэнгдон Виннер говорил о «политических свойствах» технологий. Еще раньше эта идея была выражена Гарольдом Иннисом в его концепте «предвзятости в коммуникациях» (*the bias of communications*). В интернете эта концепция прижилась благодаря влиятельной работе Лоуренса

Лессига, на которую часто ссылаются в политических дискуссиях. Лессигу принадлежат слова «код есть закон».

Эта простая мысль отличается от наивного детерминизма. Различные технологии делают разные виды человеческой деятельности и взаимодействия более простыми или более сложными. При прочих равных, скорее произойдет то, что легче реализовать, а то, реализация чего труднее, произойдет с меньшей вероятностью. Но ситуация «при прочих равных» в жизни не встречается. Вот почему технологический детерминизм в строгом смысле слова – если есть технология t , то надо ожидать появления социальной структуры или отношения s – неверен. Морское судоходство имеет различный спектр использования в различных странах. Там, где имперские амбиции на материке сдерживаются сильными соседями (например, в Испании и Португалии), флот имеет иной удельный вес, нежели в таких странах, как Китай, где ничто не мешало империи развиваться на континенте. Изобретение книгопечатания по-разному повлияло на уровень грамотности в таких странах, как Пруссия, Шотландия, Англия и Новая Англия, где чтение поощрялось религией, чем в таких странах, как Франция и Испания, где религия препятствовала людям самостоятельно знакомиться с книгами. Именно таким образом мы понимаем здесь роль технологии. Не являясь ни абсолютно детерминированной, ни абсолютно податливой, технология устанавливает некоторые параметры личной и общественной деятельности. Это упрощает деятельность одних организаций и институтов и усложняет деятельность других. В современном проблемном мире технология вытесняет некоторые устаревшие модели поведения, заменяя их более эффективными конкурентными отношениями. Однако в пределах допустимого (того, что возможно при принятии или отклонении технологии) разные модели внедрения и использования технологии могут приводить к развитию весьма различных связанных с ней социальных отношений. Если эти модели не являются конкурирующими или если даже при наличии конкуренции они не слишком сильно различаются в своей эффективности, разные общества

могут пользоваться разными моделями в течение долгого времени. Именно тот факт, что разные модели использования технологии сохраняют жизнеспособность на протяжении длительных периодов времени, делает эту книгу важной не только для теории, но и для практики. Одни и те же сетевые технологии могут внедряться самыми разными способами. Нельзя утверждать, что сетевая информационная технология непременно приведет к тем инновациям, свободе, справедливости, которые я в принципе считаю возможными. Произойдет это или нет, зависит от того, какой выбор сделает общество. Направление нашего развития в значительной степени зависит от тех решений, которые мы примем в ближайшие два десятилетия.

Роль экономического анализа и методологического индивидуализма

Далее необходимо подчеркнуть, что наша книга пользуется дескриптивной методологией и имеет чисто индивидуалистическую и экономическую ориентацию, что безусловно не является единственным возможным подходом к этой проблеме. Мануэлю Кастеллсу принадлежит авторитетная работа о сетевом обществе, центральной характеристикой которого он считает смену социальной и организационной модели, а именно переход от групп и иерархий к сетям, которые представляют собой более гибкий способ человеческого взаимодействия. Далее Кастеллс развивает свою теорию, описывая широкий спектр изменений – от транспортных сетей до процессов глобализации и индустриализации. С его точки зрения, интернет также вписывается в эту тенденцию, поскольку предоставляет возможности для более эффективной координации и сотрудничества между разными не жестко связанными сетями. В своей работе я уделяю особое внимание специфической роли рыночного и нерыночного секторов, а также тому, каким образом описанные Кастеллсом изменения вызывают ту радикальную децентрализацию,

существование которой он также отмечает. Ключевым моментом этого перехода, на мой взгляд, являются технические и экономические характеристики компьютерных сетей и информации. Они обеспечивают основу для перехода к радикальной децентрализации производства. Они обеспечивают переход от основанной на проприетарных рыночных отношениях информационной среды к среде, в которой наряду с рыночным производством важную роль играют непроприетарные нерыночные переходные модели. Этот новый непроприетарный сектор в высокой степени влияет на всю информационную среду, в которой существуют отдельные люди и общество. Из глобализации и всепроникающего влияния рынка мы можем извлечь один важный урок, а именно, что логика рынка оказывает огромное влияние на существующие социальные структуры. И если при этом мы действительно наблюдаем возникновение существенного компонента нерыночного производства в самом сердце нашей экономической машины – в производстве и обмене информацией, а также информационными товарами, услугами, сервисами и возможностями – то можно предположить, что влияние рынка будет действительно ограничено. Это ограничение, возникшее в недрах самого рынка, на который оно накладывается, в самых передовых его секторах, действительно начинает сказываться во всем неудержимо растущем последние полвека охвате рыночной экономики и рыночного общества.

Экономическая теория в либеральной политической теории

Третий пункт относится к роли экономической структуры в либеральной экономической теории. Мой анализ этой области носит практический характер и сосредоточен на человеке. Под этим я подразумеваю следующее: во-первых, меня интересует человек как носитель моральных требований, относящихся к структуре политических и экономических систем, в которых он обитает. В

рамках либеральной традиции моя позиция носит гуманистический и общественный характер, в противоположность политическому и частному. Меня в первую очередь интересуют моральные требования людей как таковых, а не требования демократии, гражданских прав или участие в законном и разумном самоуправлении. Существуют разные способы удовлетворения основных моральных требований, таких как человеческая свобода, достоинство и благосостояние. Различные либеральные партии достигают этой цели посредством разнообразной конституционной и политической деятельности. Рост глобальных информационных экономических структур и отношений оказывает повсеместное влияние на человеческое существование. Где-то это является естественным дополнением существующих демократических традиций. В местах, где свобода ограничена, это способствует ее росту. Наше понимание этого процесса, связанного с человеческой свободой и развитием, не должно ограничиваться рамками какой-то конкретной национальной системы, независимо от того, является она либеральной или нет. Современные формы реализации свободы, которые мы наблюдаем в сетевом пространстве, позволяют преодолевать национальные и социальные барьеры, пространственные и политические различия. Они дают людям возможность совместно решать проблемы, создавая новые объединения, границы которых не совпадают с формальными, политическими и юридическими границами. В этом подвижном социально-экономическом окружении моральные требования человека являются своего рода критерием оценки структур власти, возможностей, свободы и благосостояния. Более того, хотя организации и сообщества часто рассматриваются как юридические лица, как «индивиды», они не являются моральными агентами. Их роль в анализе вопросов свободы и справедливости вторична, производна от другой их роли – одновременно стимулирующей и ограничивающей – структурировать контекст, в котором существуют люди – подлинными моральными агентами политической экономики. В

этом отношении я стою на позициях, которые можно назвать либеральными, в противоположность общественническим и критическим.

Во-вторых, меня интересуют реальные люди в реальных исторических обстоятельствах, а не извлеченные из контекста абстрактные представления о людях. Это значит, что свобода и справедливость для людей, рассматриваемых в исторической перспективе, измеряются «от первого лица», с практической точки зрения. Никакие ограничения на индивидуальную свободу и никакие источники неравенства не исключаются из рассмотрения, так же как никакие из них не считаются привилегированными.

Ни экономике, ни культурному достоянию не приписывается самостоятельного морального веса. Человек, чья жизнь регламентируется внешними силами, несвободен, независимо от того, что именно ограничивает его свободу – рынок, авторитаризм или традиционные ценности общества. Это не значит, что я проповедую радикальную анархию или либертарианство. Организации, общества и другие внешние структуры необходимы для процветания человека, для его свободного и эффективного существования. Однако это значит, что я рассматриваю данные структуры исключительно с точки зрения их воздействия на людей. Их ценность определяется только их важностью для реальных людей, которые в них живут и ими так или иначе формируются.

В практическом отношении это означает, что проблемы рыночной структуры и экономической организации в гораздо большей мере связаны с вопросами свободы, чем это принято считать в теории либерализма. Традиционно, либералы переадресовывали вопросы о структуре собственности и рынка либо либертарианцам, которые, как Фридрих Хайек, считали ее существующее устройство «естественным», либо марксистам и нео-марксистам. Я же рассматриваю собственность и рынок как одну из областей человеческой деятельности, со своими возможностями и ограничениями. В каком-то отношении они полезны для развития свободы, однако иногда могут выступать

и как ограничивающий фактор – а именно в ситуациях, когда они подавляют свободу деятельности в нерыночных контекстах. Таким образом, регуляция сферы влияния рынка исключительно важна не только в плане справедливости и благосостояния, но и свободы.

Куда движется государство?

Четвертая (и последняя) мысль появляется в нашей книге в разных местах, однако здесь я хотел бы уделить ей особое внимание. В сетевой информационной экономике особенно интересным мне кажется рост индивидуальных практических возможностей и та роль, которую эти новые возможности играют в увеличении относительной важности не-проприетарного, зачастую нерыночного индивидуального и социального поведения. В моем анализе автономии и демократии, справедливости и критической культуры я подчеркиваю рост индивидуальной и совместной частной деятельности и сравнительное уменьшение преобладания деятельности рыночной и проприетарной. Какое же место во всем этом занимает государство? По большей части, как показано в главе 11, и в Соединенных Штатах, и в Европе государство играло существенную роль в поддержке уже существующих рыночных индустриальных структур в системе информационного производства двадцатого века в ущерб отдельным людям, создававшим новую, только возникавшую сетевую информационную экономику. Вмешательство государства, как правило, имело форму либо законотворчества, имеющего целью поддержку уже существующих институтов, либо совершаемых с благими намерениями, но идущих в неверном направлении попыток оптимизировать институциональную экологию для устаревших способов информационного и культурного производства. Для традиционной политической теории моя позиция – заключающаяся в том, что свобода и справедливость могут и должны

достигаться посредством взаимодействия рынка и частного, добровольного (если не благотворительного) нерыночного участия, и что роль государства в этом процессе весьма сомнительна – является либертарианской. Возможно, учитывая то, что я подвергаю похожей критике правила, при указании которых их защитники прибегают к понятию «права собственности» – например, «интеллектуальной собственности», «прав на частоту вещания», мою позицию можно считать анархистской, сосредоточенной на роли взаимопомощи и весьма скептически настроенной по отношению к государству (в наше время, как и на протяжении последних нескольких десятилетий, модно быть либертарианцем, а на анархию мода больше, чем когда бы то ни было за последнее столетие).

Более скромная правда состоит в том, что моя позиция коренится не в теоретическом скептицизме по поводу государства, а в практическом анализе возможностей, препятствий и стратегий для достижения прогресса в сфере человеческой свободы и развития в существующих технологических, экономических и политических условиях. В принципе, я не против эффективного, либерального государства, занятого выполнением какого-то из разнообразных возможных либеральных проектов и обязательств. В самых разных местах в этой книге читатель найдет мысль о том, что государство может играть конструктивную роль, если оно задумается о ней и перестанет прислушиваться к мнению существующих институтов и занимающих важные должности чиновников. В качестве примеров такого государственного участия можно привести муниципальное финансирование нейтральных широкополосных сетей, государственное финансирование фундаментальных исследований, а также возможное стратегическое вмешательство, препятствующее монополизации контроля над основными цифровыми ресурсами. Однако необходимость позитивной роли государства приглушается, с одной стороны, исходя из моего диагноза особой динамики рынков, и с другой стороны, из-за индивидуальной и общественной деятельности в цифровой сетевой информационной среде. Особая экономика вычислений и

коммуникаций, особая экономика информации, знания и культурного производства и относительная роль информации в современных продвинутых экономиках – сочетание всех этих факторов делает нерыночную индивидуальную и общественную деятельность главным полем для продвижения основных либеральных ценностей. Учитывая данные обстоятельства, можно добиться большей свободы, создавая институциональные возможности для добровольной индивидуальной и совместной деятельности, чем при помощи намеренной общественной деятельности при посредстве государства. Однако я не предлагаю никаких особых причин, по которым должны быть отвергнуты многие роли, традиционно исполняемые либеральным государством. В частности, я не считаю, что должно прекратиться государственное финансирование образования, что образование не должно быть общественной деятельностью и одной из главных обязанностей либерального государства; то же самое касается общественного здравоохранения. У меня есть все основания считать, что рост нерыночного производства увеличивает, а не уменьшает оправданность государственного финансирования фундаментальной науки и исследований, подобно тому, как избыточные эффекты общественно финансируемого информационного производства могут более эффективно и широко распространяться и использоваться на благо общественности.

Новая важная особенность сетевого пространства состоит в эффективности и неотъемлемости индивидуальной и совместной общественной деятельности. В большинстве сфер свобода деятельности для индивидуумов по отдельности и в сотрудничестве с другими дает возможность достижения многих либеральных целей, которые я рассматриваю на страницах этой книги. С глобальной точки зрения, дать индивидуумам возможность действовать таким образом значит также распространить благо либерализации за государственные пределы. Так что граждане нелиберальных государств получают больше свободы, чем хотелось бы их правителям. Напротив, если государства с

развитыми рыночными экономиками продолжают трудиться над улучшением своей институциональной системы с целью поддержания существующих институтов индустриальной информационной экономики, для либеральных установок это оборачивается скорее вредом, чем пользой. Как только сетевая информационная экономика стабилизируется и мы начинаем понимать относительную важность добровольной частной деятельности вне рынка, государство может начать адаптировать свою политику к тому, чтобы создать возможности для нерыночной деятельности и воспользоваться ее результатами, чтобы усилить свою собственную поддержку основных либеральных установок.

ЧТО НА КОНУ? БОРЬБА ЗА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНУЮ ЭКОЛОГИЮ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Никакая благоприятная историческая сила сама по себе не приведет к тому, чтобы эта технологическая экономическая ситуация переросла в открытое разностороннее либеральное равновесие. Если трансформация, которая кажется мне возможной, действительно произойдет, она приведет к существенному перераспределению власти и денег: от типичных для двадцатого века индустриальных производителей информации, культуры и коммуникаций, типа Голливуда, индустрии звукозаписи, и, возможно, от медиамагнатов к разбросанным по земному шару не связанным в единую структуру группам населения, а также к рыночным агентам, которые создают средства, позволяющие этим группам производить свое собственное пространство, а не покупать его в готовом виде. Однако бывшие индустриальные гиганты не готовы смириться с этим перераспределением. Технологический прогресс сам по себе не способен преодолеть их сопротивление. Реорганизация производства и связанный с ней подъем свободы и справедливости может появиться только в результате социальной и политической деятельности, направленной на защиту

новых социальных моделей от нападков со стороны существующих институтов. Именно для этого я и пишу свою книгу – чтобы понять, что находится на кону и почему за это стоит бороться, однако я не могу дать никаких гарантий, что это действительно произойдет.

Борьба за влияние между проприетарными, индустриальными моделями информационного производства и обмена и появляющейся сетевой информационной экономикой происходит в сфере институциональной экологии цифрового пространства. В широком круге контекстов рассматривается похожий набор институциональных вопросов. В какой степени ресурсами, необходимыми для информационного производства и обмена, будут распоряжаться как общим достоянием, бесплатным для всеобщего использования и не склоняющимся ни в чью пользу? В какой степени эти ресурсы будут всецело проприетарными и доступными только для тех, кто функционирует в пределах рынка или в рамках традиционных форм, хорошо финансируемой нерыночной деятельности типа государственной и организованной благотворительности? Мы видим, как эта битва разыгрывается на всех уровнях информационного пространства: различные устройства и сетевые каналы, необходимые для коммуникации, существующие информационные и культурные ресурсы, которые должны служить рупором новых идей и логические ресурсы, программные продукты и стандарты, необходимые для перевода человеческой коммуникации в сигналы, которые могут обрабатывать и передавать машины. Центральный вопрос, таким образом, таков: будет ли существовать некоторая общая базовая инфраструктура со статусом всеобщего достояния, доступная для каждого, кто хочет быть частью сетевого пространства вне рыночной проприетарной модели. Я не хочу этим сказать, что собственность, в каком-то смысле, плоха. Собственность, так же как и контракт является основным институциональным компонентом рынков, основным институциональным компонентом либеральных обществ. Именно собственность дает возможность продавцам

устанавливать цены для покупателей, а покупателям дает уверенность, что когда они заплатят, их право на использование купленного будет гарантировано. Собственность лежит в основе нашей способности планировать деятельность, требующую использования ресурсов, которые, если бы они не были эксклюзивными, были бы для нас недоступными. Но собственность так же и ограничивает деятельность. Правила собственности ограничены и направлены только на одно: желание и готовность заплатить за право исключительного контроля над каким-либо ресурсом. Они лимитируют то, что тот или иной человек может сделать по отношению к какому-либо ресурсу; а именно, использовать его тем или иным образом, сообщить или скрыть касающуюся его информацию и т.п. Эти ограничения необходимы, поскольку дают возможность людям взаимодействовать друг с другом посредством рыночных отношений, а не силы или социальных связей, однако они одновременно создают препятствия для вне рыночной деятельности в том смысле, что она зависит от доступа к этим ресурсам.

Общее достояние – это другой институциональный компонент свободы действий в свободных обществах, но оно структурировано так, чтобы облегчить деятельность, основой которой не является исключительный контроль над необходимыми ресурсами. Например, я могу устроить пикник, арендовав частный сад или пляж, используя механизмы системы собственности. С другой стороны, я могу договориться встретиться с друзьями на общественном пляже или на Овечьем лугу в Центральном парке. Я могу купить право пользования дорогой своего соседа, чтобы добраться до ближайшей реки, а могу обойти его участок, воспользовавшись общественной дорогой, которая составляет часть нашего общего транспортного достояния. Каждая институциональная модель – и собственность, и общее достояние – допускают определенную свободу действий и определенную степень предсказуемости доступа к ресурсам. Сосуществование собственности и общего достояния в качестве институциональных рамок определяет относительное влияние рынка и

нерыночной сферы как на индивидуальном, так и на общественном уровне, причем доля их влияния напрямую связана с ресурсами, которые они контролируют, и деятельностью, которая зависит от доступа к этим ресурсам. В наше время, с возникновением материальных условий для большего распространения нерыночной деятельности, существование общей базовой инфраструктуры для производства и обмена информацией окажет серьезное влияние на участие отдельных людей в построении сетевой информационной экономики, а также на предоставляемые ею свободы.

На материальном уровне переход к широкополосному интернету привел к монополизации опто-волоконного и кабельного рынка и ослаблению общественного контроля над тем, как владельцы манипулируют информационными потоками. Появление открытых беспроводных сетей, основанное на «общедоступных частотах», а также частое отсутствие на практике контроля информационных потоков со стороны владельцев широкополосного интернета в какой-то степени противоречит этой тенденции. В последнее время предпринимались попытки преодолеть монополизацию широкополосного рынка путем развития муниципальных широкополосных сетей. Но эти попытки натолкнулись на яростное сопротивление в законодательстве и судах. Наиболее пугающим шагом в этом направлении была попытка Голливуда заставить производителей компьютеров оснащать устройства специальными приспособлениями, обеспечивающими соблюдение авторских прав. Если эта попытка увенчается успехом, то основная характеристика компьютерных устройств, а именно то, что компьютер является многоцелевым устройством, свойства которого владельцы могут менять и приспособлять к новым нуждам и предпочтениям, – будет утрачена. На смену таким многофункциональным компьютерам придут машины, которые будут функционировать исключительно в соответствии со своими фабричными спецификациями, независимо от пожеланий их владельцев. Основная причина, по которой эти законы вряд ли когда-либо будут приняты, состоит в том, что

производители компьютеров и программного обеспечения, а также электроники и телекоммуникаций, понимают, что такой закон поставит под удар их новаторство и творческий потенциал. На логическом уровне мы наблюдаем движение, во главе которого стоит Голливуд и звукозаписывающая индустрия и целью которого является привести программное обеспечение и стандарты в состояние, обеспечивающее дальнейшую коммерциализацию оцифрованных культурных продуктов. Закон об авторском праве в цифровом тысячелетии и атака на пиринговые технологии (межклиентские сети) является самым ярким примером этой тенденции.

В более общем виде, информация, знание и культура сейчас стали объектом очередной волны изоляции, о чем подробно говорит в своих последних работах Джеймс Бойл. Крупные представители индустриальной информационной экономики в целях сохранения своих экономических выгод пытаются ограничить свободу действия индивидуальных участников, старающихся производить информацию, знание и культуру. В ответ на такие изоляционистские попытки со стороны крупных производителей появилась обширная юридическая литература, посвященная этому вопросу. Среди первых авторов, откликнувшихся на данную ситуацию, необходимо назвать Дэвида Лэнджа, активно исследующего общественную сферу, Памелу Сэмьюэлсон, которая критикует использование копирайта применительно к компьютерным программам и цифровым материалам. Также необходимо упомянуть Джессику Литман с ее работой, посвященной общественной сфере и цифровому авторскому праву, и Бойла, изучавшего основные наивные умозаключения, лежащие в основе недавно появившегося концепта «интеллектуальной собственности» и попыток использовать экологическую модель с целью защитить общественную сферу. Наиболее ярким представителем этой литературы является Лоуренс Лессиг, считающий, что необходимо объединить усилия в защиту свободного обмена идеями и информацией, а также негативно отзывающийся об изоляционистском движении со стороны крупных участников

индустриальной экономики. Если в академической среде скептическое отношение к изоляционизму сформировалось в последнее время, то среди экономистов оно существует уже давно (гл. 2). Отсутствие эмпирической или аналитической базы для законодательных изменений, направленных на все большее усиление проприетарных прав, не привело, тем не менее, к законодательным изменениям в сфере интеллектуального производства. Лишь в последнее время из самых разнообразных идеологий, характеризующих такие различные группы, как компьютерные инженеры, студенты университетов, активисты, озабоченные судьбой бедного населения планеты, выкристаллизовалась система отношения к информационной политике и «интеллектуальной собственности»; традиционные медиаадвокаты поменяли ориентацию; крупные высоко-технологичные компании постепенно стали понимать, что правила, навязываемые Голливудом, могут лишь замедлить рост бизнеса, основанного на компьютерных технологиях. Такое политическое противодействие связано с базовыми характеристиками технологий компьютерных коммуникаций, с неуклонно растущей практикой обмена – порой, как в случае пиринговых (клиент-клиентских) файлообменных технологий, прямо противоположных проприетарным установкам. Все чаще информация создается по непроприетарным моделям и люди обмениваются информацией, созданной по социальным, а не рыночным моделям.

Эти экономические и социальные силы вступают в борьбу, причем каждая из них старается повлиять на законодательство в своих интересах. В данный момент информационное производство может быть урегулировано таким образом, что большинство пользователей будут вынуждены вернуться к индустриальной модели, а возникающая модель индивидуального, радикально децентрализованного и нерыночного производства с сопутствующими ей свободой и справедливостью будет подавлена.

Возможности менять социальное и экономическое устройство отнюдь не являются неограниченными. Более того, это устройство отнюдь не всегда

поддается положительному ремоделированию. Реальная практика человеческого взаимодействия с информацией, знанием, культурой, производством и потреблением является следствием обратного эффекта взаимного влияния между социальным и экономическим устройством, технологическими возможностями и формальными ограничениями на поведение, внедряемыми посредством закона и других институтов. Компоненты ограничения и допущения в поведении человека динамически взаимодействуют, приспособляясь друг к другу и снимая напряжение, существующее между технологическими возможностями, социальной и экономической практикой и законом. В периоды стабильности эти компоненты структуры, населенной людьми, объединяются и усиливают друг друга, но стабильность любого из них может в любой момент пошатнуться. Иногда дестабилизация вызывается экономическим кризисом, как, например, в США во время Великой депрессии. Иногда она возникает в форме внешней физической угрозы социальным институтам, например, в виде войны. Иногда, хотя такие случаи редки, дестабилизация вызывается законодательными изменениями, один такой пример – это решение о десегрегации в судебном процессе Браун против Министерства просвещения. Иногда случаются технические революции, например, изобретение печатного станка безусловно вызвало переворот, так же, как и изобретение парового двигателя. Высокопродуктивные печатные станки и телеграф открыли эру средств массовой информации. Только появившись, радио также вызвало похожую пертурбацию, на короткое время дестабилизировавшую сложившуюся модель СМИ, — которая затем быстро его поглотила. В каждом из этих случаев периоды переворотов были связаны с большими рисками и одновременно большим количеством возможностей, чем периоды относительной стабильности. В периоды нестабильности пути организации общества открыты для изменений; некоторые из них будут подвергнуты пересмотру, так как различные компоненты человеческой стабильности вынуждены приспособляться к новым условиям. Можно

сказать, воспользовавшись термином Стефана Джея Гульда из эволюционной теории, что человеческие сообщества существуют в состоянии «прерывающегося равновесия». Периоды нестабильности продолжаются, как правило, не слишком долго. Между изобретением радио и его адаптацией к существовавшей модели СМИ прошло всего двадцать пять лет. Примерно столько же времени понадобилось для того, чтобы общение по телефону приняло свою нынешнюю форму – коммуникации, ограниченной двумя участниками. В каждый из этих периодов развитие могло пойти разными путями. Это видно на примере радио, развитие которого в 20-м веке приняло разные формы в разных странах и закрепилось на десятилетия. Период нестабильности сменяется объединением различных элементов ограничения и допущения в человеческом поведении в новую стабильную структуру. Во время периодов стабильности все, что мы можем – это лишь латать незначительные прорехи в социальном устройстве.

Таким образом, данная книга несет своего рода вызов современным либеральным демократиям. То, что мы живем в эпоху технологических, экономических и организационных трансформаций, дает нам право пересмотреть такие понятия информационной среды, как свобода, справедливость и продуктивность. От того, какую политику мы выберем в ближайшие несколько десятилетий, во много зависит то, какой будет наша жизнь в этой новой среде. Чтобы понять, какой выбор стоит перед нами, чтобы выбор, сделанный нами, был правильным, мы должны осознавать, что этот выбор является частью фундаментального социального и политического выбора – сделав который, мы должны стать свободными, равноправными членами человеческого сообщества в новых технологических и экономических условиях. Экономическая политика, при которой вчерашние победители будут диктовать условия завтрашней экономической конкуренции, обернется катастрофой. С точки зрения социальной политики, не воспользоваться возможностью обогатить демократию, свободу и справедливость в нашем обществе при

современном, или даже большем, уровне производительности – было бы непростительным.

Creative Commons noncommercial attribution sharealike license

<<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/2.5/>>